ХРОНИКА КАТАСТРОФЫ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИРИИ

победителей нет

ДАВИД ШТЕРН

Давид Штерн

Гражданская война в Сирии: победителей нет

«Автор»
2026

Штерн Д.

Гражданская война в Сирии: победителей нет / Д. Штерн — «Автор», 2026

Книга Давида Штерна «Гражданская война в Сирии: победителей нет» - это анализ одного из самых кровавых конфликтов XXI века. Автор показывает, что война стала результатом не только политики Асада, но и серии ошибочных решений Запада и Турции. Вмешательство словами без реальных действий, использование сирийской трагедии как инструмента торга - всё это привело к тому, что страна превратилась в руины, а сирийцы остались один на один со своей бедой.Эта книга о том, как великие державы научились вмешиваться словами и избегать последствий делами, а сирийцы остались один на один с руинами и счётом, который им никто не собирается оплачивать. Название точно передаёт суть: победителей в этой войне нет.

© Штерн Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. 5
Часть I. Сирия до войны 6
Часть II. Запад: от гуманизма к геополитике 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Давид Штерн
Гражданская война в Сирии: победителей нет

Предисловие.

Восьмого декабря две тысячи двадцать четвёртого года самолёт вылетел с аэродрома Хмеймим под Латакией и взял курс на Москву. На борту был человек, который двадцать четыре года управлял Сирией, а до него двадцать девять лет ею управлял его отец. Через несколько часов после этого рейса на улицы Дамаска вышли люди, которые всю жизнь учили детей не разговаривать с незнакомцами в штатском. Кто-то плакал у танка, брошенного на площади. Кто-то сразу начал искать в подвалах спецслужб списки задержанных. Кто-то просто снимал на телефон пустую площадь и не мог поверить, что она пустая.

В этом финале не было ни американской пехоты, ни турецкого гуманитарного конвоя, ни торжественной церемонии передачи власти. Не было даже внятного юридического документа, по которому один правитель перестаёт быть правителем. Была пустота, в которой за несколько дней выросли новые правила и новые хозяева.

Автор этой книги не собирается утверждать, что всё случилось бы иначе, если бы Запад вёл себя умнее. История не даёт таких гарантий. Но есть вещь, которую можно проверить и показать на документах: четырнадцать лет войны были не только делом двух семей Асадов, не только результатом иранской и российской поддержки, не только следствием исламистской радикализации. Они были ещё и результатом серии решений, принятых в Вашингтоне, Брюсселе, Лондоне, Париже и Анкаре людьми, которые очень хорошо говорили о сирийцах и очень мало для них делали.

Эта о том, как великие страны научились вмешиваться словами и избегать последствий делами. О том, как Турция, сосед, принявший на себя самую тяжёлую часть чужой беды, одновременно превратила эту беду в инструмент торга. И о том, как сирийцы, к которым все эти годы обращались с речами, остались один на один с руинами, с памятью и со счётом, который им никто не собирается оплачивать.

Часть I. Сирия до войны

Если начинать не с танков, а с человеческой жизни, Сирия до войны выглядела так. В Дамаске на улице Абдул-Рахман аль-Дахиль стояла пара десятков кофеен, где мужчины играли в нарды и спорили о футболе, не поднимая глаз на проезжающий кортеж. В Алеппо на базаре торговали мылом, орехами и тканью, которую продавали в Европу ещё с османских времён. В Латакии по вечерам жарили рыбу на углях, и этот запах был везде. В Хомсе работал нефтеперерабатывающий завод, вокруг которого жили инженеры и рабочие с советским образованием. В Хасеке росли пшеница и хлопок, а на горизонте белели силосные башни.

Это была страна со средним доходом, с бесплатной медициной и школой, с двумя университетами и армией, за которую получали деньги сотни тысяч семей. Она не была богата. Сириец с зарплатой государственного служащего тянул от получки до получки, а выпускник университета годами не мог снять нормальную квартиру. Но разница между бедным и богатым измерялась в разы, а не в десятки раз, и вода была в кране большую часть дня.

И рядом с этим была другая страна. Та, где отец не рассказывает сыну, что случилось с дядей в восемьдесят втором году. Где женщина, выходя замуж, заранее знает, что её муж не будет говорить о политике даже на кухне. Где учитель истории, объясняя сложную тему в учебнике, смотрит на дверь. Где инженер получает контракт только через человека, женатого на родственнице офицера разведки. Где продавец в магазине знает: если за прилавок зайдёт человек в форме, лучше назвать цену без скидки и без шуток.

Обе страны помещались в одном государстве и в одном человеке. Сириец мог искренне любить свою землю, свою семью, своего президента на портрете в кабинете и одновременно смертельно бояться того, что за ним стоит. Западные визитёры часто видели только первую страну: рестораны, археологию, гостеприимство, светские университеты, женщин в джинсах, христианские праздники в Дамаске наравне с мусульманскими. Им показывали то, что надо было показать.

Вторая страна открывалась не по расписанию. Она открывалась, когда кто-то слишком громко говорил в кафе, когда студент делился крамольной шуткой в интернете и не выходил на следующий день из дома, когда родственник возвращался из командировки с новыми правилами: не звонить, не писать, не спрашивать.

Точная статистика этой двойной жизни не существует, но её архитектура известна. Партия Баас, доминировавшая в государстве с 1963 года, отвечала за мобилизацию и лозунг. Армия отвечала за силу и была главным работодателем для суннитской провинции. Спецслужбы, число которых менялось и о которых сирийцы говорили с горькой иронией, отвечали за настроение. Правящая семья отвечала за окончательное решение. В такой системе не было случайных людей: случайным был тот, кто требовал прав как гражданин.

Экономика этой системы держалась на трёх опорах. Первая: государственный сектор и бюджетные рабочие места, которые можно было дать или отнять. Вторая: частный бизнес, которому разрешали зарабатывать в обмен на лояльность и долю. Третья: внешние потоки, в разное время приходившие от нефти, от иракских беженцев, от иранских субсидий, от ливанских банков, от денег диаспоры. Когда эти потоки иссякали, система не становилась справедливее. Она становилась жаднее.

Доносительство было бытовым, а не экзотическим явлением. Оно не требовало приказа: достаточно было университетского куратора, который хотел выслужиться, или соседа, с которым была ссора за парковочное место. Люди учились не говорить лишнего в лифте, в такси, по телефону. Один мой сирийский знакомый, инженер из Хомса, объяснял это так: «Мы жили в стране, где стены слушают, но никто не знает, где именно. Поэтому мы молчали везде».

Эта привычка молчания долго принималась на Западе за «культуру» или за «восточную сдержанность». На самом деле это была техника выживания, доведённая до автоматизма. И она объясняет две вещи, которые потом поставили в тупик западных политиков.

Первая: почему сирийцы вышли на улицу не с программой, а с требованием достоинства. Люди, которые десятилетиями не могли сказать вслух элементарное, не просят сразу конституцию. Они просят, чтобы их перестали унижать. Достоинство в арабском политическом языке - это не абстрактная философская категория, а конкретная вещь: не стоять на коленях перед человеком в форме, не платить взятку за справку, не бояться за сына из-за надписи на стене.

Вторая: почему в стране почти не было организованной оппозиции, к которой Запад мог бы обратиться. Любая организация, от профсоюза до благотворительного фонда, была пронизана государством. Любая попытка создать независимую сеть заканчивалась либо арестом, либо кооптацией. Партии в изгнании существовали, но были далеки от улицы. Местные комитеты, которые возникали в 2011 году, приходилось создавать с нуля, в условиях, когда за это убивают.

Отсюда третье последствие, о котором мало говорят: у западной политики не было карты сирийского общества. У неё были имена министров, номера резолюций и представление о «светской оппозиции», которое через два года рассыпалось. Не было знания о том, как устроена сельская Хама, кто контролирует контрабанду на границе, почему в Дераа кланы важнее партий, как связаны между собой торговые семьи Алеппо и режим. Разведки, разумеется, знали больше, чем публичные отчёты. Но политические решения принимались на уровне общих слов.

И ещё одно, чего Запад предпочитал не замечать: Сирия была страной меньшинств, где меньшинство управляло большинством. Это не выдумка пропаганды Асада, это факт демографии и власти. Алавиты составляли около десятой части населения, но занимали непомерную долю постов в силовых структурах. Христиане, друзы, исмаилиты, армяне, черкесы, туркмены, курды, палестинские лагеря: мозаика, которую режим умело использовал.

Он говорил меньшинствам: смотрите, что будет, если придёт суннитское большинство. Он говорил большинству: смотрите, мы защищаем вас от исламских радикалов и от Израиля. Он говорил Западу: смотрите, я светский правитель, единственный барьер на пути джихадизма. Эта трёхходовка работала десятилетиями, потому что в ней была доля правды. И именно эта доля правды стала его главным аргументом.

Когда в 2011 году к власти в Тунисе и Египте приходили новые силы, сирийцы смотрели спутниковые каналы и видели, что бывает иначе. Они видели, как люди стоят на площади и не боятся. Они видели, что правители могут сбежать. Это ощущение передавалось быстрее интернета: через родственников, через таксистов, через торговцев на базаре. Сирия была готова не к демократии, а к возможности сказать вслух то, что она говорила шёпотом.

Именно в этот момент Запад и Турция начали говорить о Сирии так, как будто знали её. Но они её не знали. Они знали свои интересы, свои страхи и свои схемы. До войны в Сирии было много проблем, но не было ничего, что требовало бы четырнадцатилетней войны. Войну сделали не только те, кто стрелял. Её сделали и те, кто наблюдал, считал и откладывал.

Хафез Асад пришёл к власти в ноябре 1970 года не через выборы и не через войну, а через внутрипартийный переворот. Ему было сорок, он был министром обороны и человеком, за которым стояла армия, а также репутация жёсткого и терпеливого игрока. Первое, что он сделал, было не риторическим: он заморозил политическую жизнь и начал выстраивать систему, где власть принадлежала не партии, не армии и не парламенту, а узкому кругу людей, связанных с ним лично.

У этой системы была идеология, но не было веры. Баас провозглашала единство арабской нации, социализм и свободу. На практике это означало государственный сектор, партий-

ные ячейки в каждом учреждении и обязательный ритуал лояльности. В стране, где сунниты составляли большинство, ключевые посты в специальных службах оказались у алавитов, людей из той же общины, что и сам Хафез. Это не было случайностью, это была страховка. Офицер, связанный с кланом, не мог перейти на другую сторону, не предав своих.

Внешняя политика была частью внутренней. Хафез вмешался в ливанскую гражданскую войну в 1976 году и оставался в Ливане тридцать лет. Он поддерживал Иран во время ирано-иракской войны, хотя Ирак был арабской страной, а Сирия светской. Он держал напряжённость с Израилем, не доводя её до полного мира, и с Турцией, где у него была своя игра вокруг курдских групп и водных ресурсов. Эти операции давали режиму два ресурса: деньги и ощущение осады, без которого население легче требовало бы свобод.

Но самое важное, что построил Хафез, была не армия и не партия, а привычка. Привычка не говорить лишнего. Привычка не задавать вопросов. Привычка считать, что государство всегда наблюдает, даже когда оно не смотрит. Эта привычка передавалась от родителей к детям эффективнее любого учебника.

Инструментов было несколько. Первый: чрезвычайное положение, введённое в 1963 году и действовавшее десятилетиями. Оно давало право задерживать без суда, судить военными судами и держать людей в тюрьмах годами по подозрению. Второй: система множественных служб, которые конкурировали между собой и тем самым усиливали друг друга. Третий: сеть осведомителей, от студентов до таксистов, которые работали не всегда за деньги, иногда за страх, иногда за возможность убрать конкурента. Четвёртый: культ личности, от портретов в классах до официальной историографии, где президент появлялся как спаситель нации.

Отдельно стоит сказать о том, как режим обходился с политическими заключёнными. Тюрьма Тадмор стала символом системы наказания, где человека держали не за конкретное преступление, а за подозрение. В 1980 году был принят закон, по которому членство в «Братьях-мусульманах» каралось смертью. В том же году в тюрьме произошла резня заключённых, число погибших до сих пор оспаривается и оценивается в сотни, а по некоторым свидетельствам и в тысячу с лишним человек. Это были не ошибки системы, а её сообщения: каждый сириец должен был понимать, чем заканчивается попытка организоваться.

Высшей точкой этой логики стала Хама. В феврале 1982 года город поднялся против режима, восстание возглавила вооружённая часть «Братьев-мусульман». Ответ был тотальным. Войска под командованием людей из ближайшего окружения Хафеза, включая его брата Рифата, вошли в город и разрушали кварталы, где, по их представлению, могли скрываться повстанцы. Оценки погибших варьируются от десяти до сорока тысяч. Точного числа не существует, потому что режим не вёл учёта и не допустил независимого расследования. Хама стала не только трагедией, но и учебником для целого региона: города можно уничтожать, и мир это переживёт.

Парадокс Хафеза состоял в том, что он одновременно модернизировал страну и укреплял систему страха. При нём появились дороги, электростанции, университеты, больницы. Женщины получали образование и работу. Государство было патроном, который даёт блага и требует послушания. Именно поэтому многие сирийцы старшего поколения, вспоминая восьмидесятые, говорят о стабильности и порядке, а не о тюрьмах. Они не отрицают тюрем. Они просто жили в той части системы, где было тихо.

К концу жизни Хафеза его государство стояло на трёх ногах: нефть, которая давала валюту, СССР, который давал оружие и дипломатическую защиту, и страх, который давал внутреннюю устойчивость. К 2000 году две из трёх ног ослабли. Советский Союз распался, нефтяные доходы стали падать, а сам Хафез умер в июне, оставив после себя государство, которое не могло существовать без него.

Его сын Басель, которого готовили в преемники, погиб в автокатастрофе в 1994 году. Тогда роль наследника перешла к Башару, офтальмологу, который учился в Лондоне и не имел

ни военного опыта, ни партийного аппарата. Система приняла его не потому, что он был лучшим, а потому, что других вариантов, устраивавших силовые структуры и семью, не существовало.

Так в 2000 году Сирия получила правителя, который говорил на языке реформ, но управлял страной, построенной на языке страха. Первые месяцы его правления дали сирийцам надежду, которой не было тридцать лет. Последующие двадцать четыре года показали, что надежда была не реформой, а паузой.

Партия арабского социалистического возрождения, Баас, пришла к власти в Сирии в 1963 году через военный переворот и закрепилась в 1970-м, когда Хафез Асад отстранил своих прежних союзников. С тех пор её название оставалось на вывесках, но её содержание менялось. Формально Баас была авангардной партией, которая ведёт народ к арабскому единству и социализму. Фактически она стала механизмом распределения лояльности.

Партийная структура пронизывала всё. В каждом министерстве был партийный комитет, который следил за назначениями. В каждой школе был партийный представитель, который отвечал за идеологическое содержание. В армии были политические комиссары, чья задача состояла не в тактике, а в бдительности. В университетах действовали партийные ячейки, без которых студент не мог получить направление на работу.

Для обычного человека это означало, что карьера зависит не только от квалификации. Инженер, который не был в партии, мог работать, но не мог получить руководящую должность. Врач, который не участвовал в партийных мероприятиях, мог лечить, но не мог получить заведование отделением. Учитель, который не носил значок, мог преподавать, но не мог стать директором.

Членство в партии было не идеологическим выбором, а социальным лифтом. Миллионы людей вступали в Баас, потому что это было условие для поступления в университет, для получения квартиры, для выезда за границу. Они не обязательно верили в лозунги. Они верили в то, что без партийного билета их жизнь будет хуже.

Эта система создавала специфический тип человека: лояльного по расчёту, а не по убеждению. Он мог ненавидеть режим в частном разговоре и голосовать за него на собрании. Он мог помогать соседу и доносить на него, если это было выгодно. Он жил в двойной морали, которая была не лицемерием, а адаптацией.

Партия также выполняла функцию социальной сети. Через неё распределялись рабочие места, путёвки, лекарства, места в детских садах. Отказ от участия означал изоляцию. Поэтому даже те, кто не поддерживал режим, участвовали в партийной жизни, потому что альтернатива была исключением из системы.

После 2011 года партия стала ещё более важной. Она была инструментом мобилизации сторонников, особенно среди меньшинств, которые боялись исламистов. Она организовывала митинги в поддержку Асада, распространяла пропаганду, помогала семьям погибших солдат. Она стала не только политической структурой, но и социальной сетью выживания.

Когда режим пал в декабре 2024 года, партия исчезла с политической сцены за несколько дней. Её офисы были разгромлены, её лидеры бежали или были арестованы, её члены сняли портреты и уничтожили документы. Но её наследие осталось: привычка к двойной морали, недоверие к публичной политике, умение выживать в любой системе.

Новое правительство не создало партию в том же смысле, но создало структуру, похожую по функции: движение, которое контролирует назначения, распределяет ресурсы, требует лояльности. Это не Баас, но это та же логика. И пока она сохраняется, сирийская политика будет оставаться системой, в которой гражданин не имеет значения, а лояльность имеет.

Сирийская экономика до войны была странной смесью. С одной стороны, государство контролировало ключевые отрасли: нефть, фосфаты, энергетику, транспорт, банки. С другой стороны, частный сектор работал в торговле, строительстве, услугах и сельском хозяйстве. С третьей стороны, огромная часть экономики была в тени: контрабанда, неформальная занятость, денежные переводы из-за границы.

Нефть была главным источником валюты. Сирия добывала около 380 тысяч баррелей в день в лучшие годы, но собственное потребление росло, а месторождения старели. К 2010 году страна стала нетто-импортёром нефти, что означало, что она тратила валюту на топливо, а не зарабатывала на нём. Это было тревожным сигналом, который режим игнорировал.

Государственные субсидии были второй опорой. Топливо, хлеб, электричество, вода продавались по ценам ниже рыночных. Это позволяло поддерживать социальный мир, но стоило бюджету огромных денег. Когда в 2008 году цены на нефть упали, а субсидии остались, бюджет начал трещать.

Третьей опорой была диаспора. Сирийцы за границей, особенно в странах Залива, Европе и Америке, переводили деньги семьям. Эти переводы составляли значительную часть ВВП и поддерживали потребление. Война их сократила, а затем и почти уничтожила.

Реформы Башара Асада в 2000-х годах были попыткой изменить модель. Он открыл частные банки, создал фондовый рынок, привлёк иностранные инвестиции, сократил субсидии. Но эти реформы проводились без политической либерализации и без создания институтов. В результате выиграли те, кто имел связи, а проиграли те, кто зависел от государства.

К 2010 году неравенство выросло. Богатые стали богаче, бедные стали беднее. Засуха ударила по сельскому хозяйству, которое давало работу значительной части населения. Молодёжь не находила работы. Цены росли. Государство отвечало репрессиями, а не реформами.

Война уничтожила экономику полностью. ВВП упал на десятки процентов. Промышленность была разрушена, сельское хозяйство сократилось, инфраструктура пострадала. Санкции ограничили доступ к финансам и технологиям. Режим зависел от Ирана и России, которые давали деньги и товары в обмен на влияние.

После падения Асада экономика осталась в руинах. Оценки Всемирного банка говорили о потребностях в восстановлении в 216 миллиардов долларов. Но деньги не приходили, потому что инвесторы боялись санкций, нестабильности, коррупции. Государство не имело ресурсов для восстановления, а международные доноры не спешили.

Сирийская экономика сегодня - это экономика выживания. Люди работают в неформальном секторе, торгуют на рынках, получают помощь от родственников и организаций. Государство не может обеспечить базовые услуги, потому что не имеет денег и институтов. Частный сектор не может расти, потому что нет кредитов, безопасности и предсказуемости.

Восстановление требует не только денег, но и реформ. Нужны прозрачные институты, защита собственности, налоговая система, банковский сектор, энергетика. Нужны инвестиции в образование и здравоохранение, которые были разрушены. Нужна интеграция в региональную экономику, которая была разорвана войной.

Это займёт десятилетия. Сирия не станет богатой страной быстро. Но она может стать страной, где люди имеют работу, жилье и надежду. Для этого нужна политическая воля, которой пока нет, и деньги, которых тоже нет.

Сирия была светским государством в том смысле, что конституция не устанавливала государственную религию, а партия Баас провозглашала секуляризм. На практике религия играла огромную роль в политике, обществе и идентичности.

Сунниты составляли около семидесяти процентов населения. Они были большинством, но не имели политической власти, которая соответствовала бы их численности. Это создавало напряжение, которое режим использовал: он назначал лояльных суннитских деятелей на

посты, строил мечети, контролировал религиозные институты, но не допускал независимой политической организации.

Алавиты составляли около десяти процентов. Они были основой режима, занимали ключевые посты в армии и спецслужбах. Это не значит, что все алавиты поддерживали Асада. Многие были бедны, не имели доступа к власти, страдали от тех же проблем, что и остальные. Но их община была связана с режимом коллективно, и это стало причиной мести после падения.

Христиане составляли около десяти процентов до войны, но их число сократилось из-за эмиграции. Они были представлены разными конфессиями: православные, католики, армяне, ассирийцы. Режим давал им защиту и ограниченную автономию в церковных делах. Они платили лояльностью и осторожностью.

Друзы составляли около трёх процентов, в основном в Сувейде. Они имели собственную религиозную и социальную структуру, которая сохраняла автономию от государства. Они были лояльны режиму, но не были его опорой. После падения Асада они требовали автономии и получали давление.

Курды были в основном суннитами, но имели отдельную этническую идентичность. Религия не была главным фактором их политики. Главным была национальная идентичность и стремление к автономии. Ислам использовался разными группами, но не объединял их.

Исламизм стал главной идеологией оппозиции. «Братья-мусульмане» были запрещены с 1980 года, но их идеи распространялись. В 2011 году протесты начинались как светские, но быстро приобрели религиозный характер, потому что мечети были единственными местами, где можно было собраться.

Радикальные группы, такие как «Ан-Нусра» и ИГИЛ, использовали религию для мобилизации и легитимации насилия. Они уничтожали памятники, преследовали меньшинства, устанавливали свои законы. Это дискредитировало исламизм в глазах многих сирийцев, но также укрепило его в глазах тех, кто видел в нём единственную силу, способную бороться с режимом.

После падения Асада религия осталась фактором конфликта. Новое правительство состоит в основном из суннитских исламистов, хотя оно обещает защиту меньшинств. Меньшинства не доверяют ему. Исламистские группы требуют большего влияния. Светские сирийцы опасаются, что страна станет религиозным государством.

Религия в Сирии не была причиной войны, но она стала её языком. Люди воевали не только за власть и ресурсы, но и за идентичность, за право определять, что значит быть сирийцем. Этот конфликт не решён и после падения режима.

Сирийская армия была одной из крупнейших в регионе. До войны она насчитывала около трёхсот тысяч человек, имела танки, артиллерию, авиацию, системы ПВО. Она была построена по советскому образцу: массовая призывная армия, офицерский корпус, политические комиссары, военная промышленность.

Но её главной функцией была не защита от внешнего врага, а защита режима от внутреннего. Это определяло её структуру. Элитные подразделения, такие как Республиканская гвардия и Четвёртая дивизия, были укомплектованы людьми из алавитской общины и связаны с семьёй Асадов. Они были лучше вооружены и обучены, потому что их задача была подавлять протесты, а не воевать с Израилем.

Обычные подразделения были укомплектованы по призыву. Солдаты были в основном суннитами из провинции. Они не имели мотивации воевать за режим, который их не уважал. Когда началась война, многие дезертировали, переходили на сторону оппозиции или просто уходили домой.

Офицерский корпус был пронизан коррупцией и клановостью. Повышения зависели от лояльности, а не от квалификации. Военная техника была устаревшей, потому что режим тра-

тил деньги на спецслужбы, а не на армию. Логистика была слабой, потому что снабжение зависело от посредников и взяток.

Когда в 2011 году начались протесты, армия использовалась для их подавления. Солдаты стреляли в демонстрантов, что разрушило их легитимность в глазах населения. Дезертирство стало массовым. К 2012 году армия потеряла контроль над значительной частью территории.

Режим ответил созданием параллельных структур. «Шабиха», ополчение, состоящее из лояльных гражданских, стала инструментом насилия. Иранские и иракские шиитские формирования взяли на себя часть боевых задач. «Хезболла» сыграла ключевую роль в боях за Алеппо и другие города. Российская авиация заменила сирийскую.

К 2018 году армия восстановила контроль над большей частью страны, но она была истощена. Она зависела от России, Ирана и ополчений. Она не могла обеспечить безопасность на всей территории. Она не могла защитить границы. Она не могла противостоять Израилю.

В декабре 2024 года она рухнула за двенадцать дней. Это было не поражение в бою, а распад. Солдаты не хотели воевать. Офицеры не хотели командовать. Режим не мог платить зарплаты. Россия не могла спасти. Иран был занят другим. Армия, которая строилась для защиты режима, не смогла его защитить, когда он стал слабым.

После падения Асада новая власть столкнулась с вопросом, что делать с армией. Она распустила старые структуры и начала создавать новые. Но новые структуры были построены из ополчений и исламистских формирований, которые не имели профессиональной подготовки. Они были лояльны новому правительству, но не имели дисциплины.

Создание профессиональной армии требует времени, денег и институтов. Сирия не имеет ни того, ни другого, ни третьего. В результате она имеет армию, которая может подавлять протесты, но не может защищать границы. Она имеет армию, которая лояльна власти, но не лояльна закону.

Это одна из главных проблем нового государства. Без профессиональной армии невозможно обеспечить суверенитет. Без суверенитета невозможно защитить страну от внешнего вмешательства. Без защиты от вмешательства невозможно построить независимую политику.

Сирия была в Ливане тридцать лет, с 1976 по 2005 год. Это не была оккупация в классическом смысле, потому что Дамаск имел союзников среди ливанских политиков, а его войска выполняли функции, которые ливанское государство не могло выполнять. Но это была оккупация по существу: сирийские офицеры контролировали службы безопасности, сирийские чиновники влияли на назначения, сирийские интересы определяли внешнюю политику.

Для режима Ливан был не только соседом, но и ресурсом. Через ливанские банки отмывались деньги, через ливанские порты шли товары, через ливанские СМИ транслировалась пропаганда. Ливан был местом, где сирийские бизнесмены, связанные с властью, могли зарабатывать без ограничений, которые действовали в Дамаске.

Для сирийского общества Ливан был двойным опытом. С одной стороны, он был примером свободной прессы и политической конкуренции, которые в Сирии были невозможны. С другой стороны, он был источником коррупции и насилия, которые сирийские спецслужбы принесли в Бейрут.

Вывод войск в 2005 году после убийства Рафика Харири стал унижением для режима. Сирия была вынуждена уйти под давлением международного сообщества и ливанских протестов. Это была первая трещина в системе, которая казалась несокрушимой. Башар Асад обещал реформы, но вместо этого усилил репрессии.

Израиль был второй постоянной угрозой. Сирия воевала с ним в 1948, 1967, 1973 и 1982 годах. Она потеряла Голанские высоты в 1967 году и не смогла их вернуть. Она поддерживала «Хезболлу» и палестинские группы, которые боролись с Израилем. Она не подписала мирный договор, но и не вела полномасштабную войну после 1973 года.

Эта «ни война, ни мир» была удобна для режима. Она позволяла поддерживать военный бюджет, мобилизовать общество, оправдывать репрессии. Она позволяла получать помощь от СССР и России, от Ирана и стран Залива. Она создавала образ Сирии как оплота сопротивления.

Но у этой стратегии была цена. Сирия тратила деньги на армию, которые нужны были на экономику. Она изолировала себя от части международного сообщества. Она потеряла Голаны, которые остаются оккупированными. Она не смогла решить проблему палестинских беженцев, которые жили в лагерях без прав.

После 2011 года Израиль стал активным участником сирийской войны. Он наносил удары по иранским объектам и поставкам оружия «Хезболле». Он поддерживал группы на юге Сирии. Он использовал хаос для ослабления Ирана. После падения Асада он расширил операции и занял позиции в буферной зоне.

Для сирийцев это означало, что их страна осталась объектом региональной политики. Израиль не был виноват в войне, но он использовал её для своих целей. Иран не был виноват в войне, но он использовал её для своих целей. Турция не была виновата в войне, но она использовала её для своих целей.

Сирия не смогла стать субъектом, потому что была слабой. Слабость была результатом диктатуры, войны и внешнего вмешательства. Пока она остаётся слабой, она будет объектом. Это замкнутый круг, который невозможно разорвать без внутренних реформ и внешней поддержки.

Весной 2003 года сирийцы смотрели по спутниковым каналам, как американские танки входят в Багдад. Для одних это было освобождение от диктатора, который двадцать лет воевал с их страной. Для других это было доказательство того, что большая держава может стереть государство за три недели, а потом годами не знать, что с ним делать. Для режима Асада это было и предупреждение, и подарок.

Предупреждение состояло в простой вещи: Вашингтон только что показал, что не боится вторгаться без мандата Совета Безопасности. Подарок заключался в другом: американская администрация, занятая Ираком, потеряла интерес к сирийским сюжетам. Пока в Багдаде горели министерства, в Дамаске можно было дышать спокойнее.

Но Ирак вошёл в Сирию и другим способом. Через границу пошли люди. Сначала сотни тысяч иракцев, потом, по разным оценкам от одного до полутора миллионов. В Дамаске появились иракские врачи, инженеры, учителя, торговцы, дети, которые говорили на багдадском диалекте и привозили с собой воспоминания о том, как страна распадается изнутри.

Эти рассказы были важнее любых аналитических отчётов. Иракцы объясняли сирийцам, что бывает, когда государство исчезает: армия разогнана, полиция не работает, партия запрещена, а на улице появляются новые люди с оружием и с собственными правилами. Они рассказывали, как сосед может стать врагом, как вчерашний коллега может прийти с обыском, как религиозная принадлежность становится пропуском или приговором.

В сирийских городах эти истории падали на подготовленную почву. Сирия и Ирак были связаны не только границей, но и партийной историей: обе страны управлялись отделениями Баас, которые враждовали между собой. Обе имели опыт правления меньшинства над большинством и опыт использования религии как инструмента. Обе знали, что такое деревенские связи и клановые обязательства в политике.

Экономически иракская волна дала Сирии неожиданный приток денег. Иракцы снимали жильё, открывали бизнес, оплачивали обучение детей, пользовались услугами. Часть этого капитала осталась в стране, часть ушла дальше. Но важнее было другое: Сирия увидела, что можно зарабатывать на чужой катастрофе. Это наблюдение потом пригодилось и режиму, и его противникам, и контрабандистам, и соседним странам.

Был и третий урок, о котором говорят реже. Американская оккупация Ирака создала новый рынок насилия. Бывшие иракские офицеры, разогнанные по приказу Пола Бремера, остались без работы и без будущего. Часть из них позже стала ядром того, что в Сирии назовут ИГИЛ. Иракские и сирийские джихадисты, знакомые друг с другом с конца девяностых, получили опыт, оружие и связи, которых не было в 2001 году. Война в Ираке была не только ошибкой Запада. Она была тренировочным лагерем для следующей войны, которая шла уже в Сирии.

Для Асада это означало, что у него появился новый аргумент в разговоре с Западом. Он говорил: посмотрите на Ирак, там хаос. Если меня не станет, у вас будет ещё хуже. Он говорил правду, но правду выборочную. Он умалчивал, что сам десятилетиями создавал условия для этого хаоса, что его режим был образцом той же системы, только без американского вторжения.

Американцы, в свою очередь, вынесли из Ирака свой урок. Он был прост: война на Ближнем Востоке стоит дорого, заканчивается плохо и не приносит политической выгоды. Когда в 2011 году сирийцы вышли на улицы, значительная часть вашингтонского истеблишмента вспоминала не Багдад 1991 года, а Багдад 2003-го. Не «как мы низложим диктатора», а «как мы не влезем в ещё одну страну, откуда потом не выйдем».

Этот урок был разумным, но применён он был плохо. Вместо того чтобы сделать вывод «не начинать войну без плана», был сделан вывод «не вмешиваться вообще». Разница между этими двумя выводами объясняет сирийскую катастрофу лучше многих книг. Ирак научил Запад воевать чужими руками.

В 2003 году Сирия была примером того, как режим выживает на фоне соседнего краха. В 2011 году она стала примером того, как крах приходит не из Багдада, а изнутри, из города Дераа на юге, где подростки написали на стене слова, которые никому не должны были показаться значительными.

Сирийские курды составляли около десяти процентов населения, жили в основном на северо-востоке и в районах Алеппо и Дамаска. Они не имели гражданства в полном смысле: по итогам переписи 1962 года в Хасеке около 120 тысяч человек были лишены гражданства и записаны как «иностранцы»; с потомками оценки доходят до 300 тысяч. Эти люди были лишены базовых прав, включая доступ к образованию, собственности и государственной работе.

Эта политика была частью более широкой стратегии режима. Дамаск не признавал существования курдского меньшинства как отдельной общности. Он называл курдов «арабами, которые говорят на другом языке», запрещал преподавание курдского, ограничивал культурные организации, подавлял политическую активность.

Курдские партии действовали в подполье или в эмиграции. Они были раздроблены на фракции, которые соперничали между собой. Некоторые сотрудничали с Дамаском, некоторые с Турцией, некоторые с Ираком. Единого движения не было, и это ослабляло их позиции.

Экономически курдские районы были беднее остальной Сирии. Нефть добывалась в Хасеке, но доходы шли в Дамаск. Инфраструктура была слабой, инвестиции ограниченными. Курды работали в сельском хозяйстве, контрабанде, нефтяной отрасли.

Национальная идентичность сохранялась через язык, традиции, семейные связи. Курдские женщины имели больше свободы, чем в арабских районах, потому что традиционная структура была менее патриархальной. Курдские семьи гордились своей культурой и передавали её детям, несмотря на запреты.

Турция была главным внешним фактором. Анкара рассматривала сирийских курдов как продолжение РПК и боялась создания автономии на своей границе. Она поддерживала те курдские группы, которые были лояльны Турции, и давила на Дамаск, чтобы он не допускал усиления враждебных группировок.

Иракские курды были вторым фактором. После 1991 года в Иракском Курдистане возникла автономия, которая стала примером и источником поддержки. Сирийские курды ездили в Ирак, учились там, получали помощь. Иракские партии влияли на сирийские.

Когда в 2011 году началась война, курды оказались в сложной позиции. Они не хотели поддерживать режим, который их угнетал. Они не хотели поддерживать арабскую оппозицию, которая не признавала их прав. Они выбрали третий путь: создание автономии на своих территориях.

В 2012 году сирийские правительственные силы ушли из курдских районов, и там возникла автономная администрация. Она не была признана Дамаском, но и не была атакована. Курды создали отряды самообороны, которые позже стали основой СДС.

Эта автономия стала одной из самых успешных попыток местного самоуправления в Сирии. Она обеспечивала услуги, поддерживала порядок, защищала меньшинства. Но она также была объектом турецких операций, арабского недоверия и внутренних конфликтов.

После падения Асада курдский вопрос стал центральным. Интеграция СДС в сирийское государство была условием мира, но её реализация затягивалась. Турция требовала роспуска YPG, курды требовали гарантий, Дамаск торговался.

Сирия не сможет стать стабильной, пока не решит курдский вопрос. Это требует признания прав, автономии в рамках единого государства, интеграции вооружённых сил и справедливого распределения ресурсов. Это трудно, но альтернатива это продолжение конфликта, который будет стоить новых жизней.

В июне 2000 года Хафез Асад умер, и через несколько дней партия Баас предложила изменить конституцию, чтобы позволить избрать президентом сына, которому было тридцать четыре года. Минимальный возраст для президента составлял сорок лет. Парламент, как и следовало ожидать, проголосовал за изменение. На выборах, где был один кандидат, Башар Асад получил по официальным данным почти единодушную поддержку.

Первые месяцы его правления вошли в историю как «Дамаскская весна». В страну вернулись эмигранты, часть из них отсидела в тюрьмах в семидесятых и восьмидесятых. Появились неофициальные политические салоны: люди собирались в частных квартирах и обсуждали всё, от цензуры до экономики. Возникли новые газеты и интернет-кафе. В адрес действующего руководства звучала критика, которая ещё год назад стоила бы свободы.

Весна длилась недолго. К началу 2001 года сигнал был отозван: аресты активистов, закрытие салонов, запрет на некоторые издания. Власти объяснили это «отсутствием зрелости общества». Сирийцы услышали другое: не надейся.

Башар не был глупым правителем. Он понимал, что экономика не выдержит такую же модель, как при отце, и что мир после 2001 года изменился. В 2005 году он вышёл из Ливана под давлением международного сообщества после убийства премьер-министра Рафика Харири, в чём Сирию подозревали. Он провёл ограниченную приватизацию, позволил частным банкам, открыл Дамасскую биржу, завёл знакомства с западными инвестиционными фондами.

Эта либерализация без демократизации создала странный слой, который историки сирийской экономики до сих пор изучают. Появились люди, заработавшие на новых возможностях: строители, посредники, торговцы, перевозчики, владельцы торговых центров. Одновременно государство не отказалось ни от субсидий, которые оно постоянно сокращало, ни от контроля, ни от армии на бюджетных местах. В результате реформы ударили по бедным и не дали политических прав богатым.

Тогда же оформилась сеть, которую в сирийской публицистике называют «кузенами»: родственники президента и его жена, круг людей из Латакии, связанных с семьёй, которые концентрировали подряды, концессии и разрешения. Реальная власть распадалась на несколько центров, каждый из которых имел собственные интересы и ощущал себя неприкосновенным.

До 2005 года Башар продолжал играть на двух досках. Он говорил западным партнёрам о реформах и о мире с Израилем, обсуждал возможные переговоры через турецких посредников. Он осуждал вторжение в Ирак на словах и давал американским спецслужбам какие-то данные на практике. Он поддерживал «Хезболлу» как партнёра Ирана, а затем сражался с собственным обществом, когда в 2005 году в Дамаске обсуждали демократические идеи.

В 2010 году страна жила в ожидании. Засуха выжимала из деревни последние жизни. Цены росли. В довершение всего в стране появился новый фактор: спутниковые каналы и интернет, которые показывали, что в Тунисе и Египте начались революции. Каждый студент знал, что в 1980-е его отец боялся говорить, а в 2010-х он может писать в сети, хотя за это можно попасть в тюрьму.

Башар не верил в реформы как в проект. Он верил в реформы как в кредит доверия от Запада. Пока это доверие давали, он говорил о модернизации. Когда его перестали давать, он перестал говорить. Вместо реформ он выбрал модернизацию армии и спецслужб. Вместо открытости: контроль над новыми СМИ. Вместо правосудия: ещё больше судов, где приговор был известен заранее.

К 2011 году у него была страна, которая выросла на два поколения без реальной политики, и система, которая держалась на том, что люди не сталкиваются друг с другом в публичном пространстве. Он не был готов к улице. Но он был готов к насилию, потому что насилие было единственным языком системы, который она понимала хорошо.

Именно это объясняет его решение в марте 2011 года стрелять. Оно не было паническим, как иногда пишут. Оно было рациональным в рамках той логики, в которой его воспитывали: уступка воспринимается как слабость, слабость ведёт к падению, значит, лучше стрелять и держать. Он ошибся в расчёте, но не в понимании. Система, которую он защищал, действительно не могла существовать без страха. Он выбрал страх, и Сирия заплатила за этот выбор четырнадцатью годами.

Сирия до войны была страной двух столиц, хотя формально столица была одна. Дамаск был центром власти, Алеппо центром экономики. Эта разница определяла политику и культуру.

Дамаск был городом чиновников, офицеров, дипломатов, торговцев с хорошими связями. Он жил за счёт бюджета, иностранной помощи, туризма и услуг. В нём были университеты, больницы, посольства, рестораны. Он был более консервативным в политике и более расслабленным в быту.

Алеппо был городом промышленников, ремесленников, торговцев, которые работали с Турцией, Европой, Ираком. Он жил за счёт производства и торговли. В нём были фабрики, базары, мастерские. Он был более предприимчивым и более независимым от государства.

Разница проявлялась в деталях. Дамаск гордился своей историей и статусом. Алеппо гордился своей работой и богатством. Дамаск смотрел на Алеппо как на провинцию. Алеппо смотрел на Дамаск как на паразита. Эти стереотипы были шуткой, но в них была доля правды.

Политически Алеппо был более оппозиционным. Его бизнесмены не любили бюрократию и налоги. Его рабочие страдали от безработицы. Его интеллигенция читала книги и смотрела спутниковое телевидение. Когда началась война, Алеппо стал одним из центров протеста.

Дамаск был более лояльным. Его чиновники зависели от режима. Его бизнесмены были связаны с властью. Его интеллигенция была осторожной. Когда началась война, Дамаск остался в основном под контролем правительства.

Эта разница определила ход войны. Алеппо стал городом осады, разрушения, страданий. Дамаск стал городом власти, пропаганды, относительной безопасности. Люди из Алеппо бежали в Дамаск, в Турцию, в Европу. Люди из Дамаска оставались, приспосабливались, выживали.

После войны разница сохранилась. Дамаск восстанавливается быстрее, потому что там власть и деньги. Алеппо восстанавливается медленнее, потому что там разрушения и отсутствие инвестиций. Дамаск снова смотрит на Алеппо как на провинцию, а Алеппо снова обижается.

Это не просто культурная разница. Это разница в том, кто платил цену войны и кто получил выгоду от мира. Дамаск не был разрушен так, как Алеппо. Дамаск не потерял столько людей. Дамаск не был осаждён. Поэтому его жители меньше понимают, что произошло.

Для будущего Сирии это важно. Страна не сможет объединиться, если одни города будут чувствовать, что они заплатили больше, а другие получили больше. Нужна политика, которая учитывает эти различия и распределяет ресурсы справедливо.

Это трудно, потому что власть находится в Дамаске и не хочет делиться. Но без этого Сирия останется страной, где одни помнят войну, а другие помнят только её новости.

Принято объяснять сирийскую войну политикой. Это правильно, но неполно. За несколько лет до 2011 года в стране сложился социальный порох, который сделал политический кризис взрывным. И первым компонентом этого пороха была вода.

В 2006 году в Сирии началась засуха, которая продолжалась несколько лет и стала одной из самых тяжёлых за всю историю наблюдений в регионе. Климатологи позже оценили её как беспрецедентную по масштабу для Плодородного полумесяца за последние столетия. Урожаи упали, пастбища высохли, колодцы обмелели. В северо-восточных провинциях, где жили в основном курды и арабы, сельское хозяйство кормило почти всё население.

Последствия были катастрофическими. Оценки ООН говорят о том, что около 75 процентов фермеров в пострадавших районах разорились, а 85 процентов поголовья скота погибло. От одного до полутора миллионов человек, по разным подсчётам, ушли из деревни в города. Семьи, которые поколениями жили на земле, оказались в пригородах Алеппо и Дамаска, где не было ни нормального жилья, ни работы, ни школ.

Государство ответило так, как отвечало на всё: обещаниями и ограниченными программами, которые не спасали. Субсидии на дизельное топливо для насосов отменялись и восстанавливались. Строились каналы, которые не доходили до нужных полей. Чиновники отчитывались о проектах, которых не было на земле. В деревне сложилось убеждение, что государство умеет только брать.

Засуха объясняет важную вещь: часть протеста 2011 года была не политической, а продовольственной. Люди выходили не только за свободу, но и за воду и хлеб. Это не отменяет политического содержания, но добавляет к нему материальность, которую западные комментаторы часто упускали. С ними было проще говорить о ценностях, чем о том, что у человека нет работы с 2008 года.

Вторым компонентом была молодёжь. Сирия имела очень молодое население, а экономика не создавала рабочих мест достаточно быстро. Выпускник университета мог годами работать не по специальности или ждать места в государственном секторе, куда брали по связям. Безработица среди молодёжи была высокой по официальным данным и ещё выше в реальности.

Третьим компонентом была иракская война. Она дала сирийским городам опыт наблюдения за чужим развалом и создала сети, которые потом стали каналами для оружия и людей. Иракские суннитские офицеры и исламисты, оставшиеся без работы и без статуса, нашли в Сирии и пограничных районах среду, где можно было вновь стать значимыми. Это не значит, что они принесли войну в 2011 году. Это значит, что к моменту, когда она началась, инфраструктура насилия уже существовала.

Четвёртым компонентом была информация. До 2011 года интернет в Сирии контролировался, но не был закрыт. Молодые люди пользовались Facebook, YouTube, форумами. Они видели, как в Египте площадь Тахрир держалась дольше, чем ожидала полиция. Они видели,

как в Тунисе диктатор уехал. Они видели, что бывает по-другому, и это знание было опаснее любой листовки.

И наконец пятым, самым тяжёлым компонентом была сама обыденность страха. Люди, которые ежедневно сталкивались с унижением, копили его годами. Когда появился повод, они вышли не с программой, а с яростью, которая была накоплена в семьях и на работе. Это объясняет, почему в 2011 году протесты были такими массовыми и почему они так быстро приобрели радикальные формы.

Засуха закончилась, а её последствия нет. Мигранты из деревни остались в городах, наполняя бедные кварталы. Молодёжь осталась без перспектив. Иракские сети остались в стране. Информация осталась в головах. Страх остался, но к нему добавилось знание, что можно выйти на улицу.

Когда в марте 2011 года в Дераа вышли люди, они соединили все эти элементы вместе. И именно поэтому режим, который привык к пассивности, так испугался. Он увидел не просто город, который требует освобождения заключённых. Он увидел страну, где порох накопился до последней черты.

В этом смысле война в Сирии началась не в 2011 году, а в 2006-м, когда высохли поля, и в 2003-м, когда рухнул Ирак, и в 2000-м, когда вместо реформ предложили полумеры. Дераа была искрой, но искра не работает без пороха. Четырнадцать лет спустя о засухе никто не вспоминает, но наследие её живёт в каждом бедном квартале и в каждой семье, которая до сих пор не вернулась на свою землю.

Дераа стоит на юге Сирии, в часе езды от иорданской границы. До 2011 года это был провинциальный город с рынком, мечетями, школами и сельскохозяйственной округой. Он не был ни оплотом исламизма, ни центром либеральной интеллигенции. В нём жили семьи, связанные с племенами и с армией, люди, которые работали в Израиле до 2000 года на сельхозработах, торговцы, которые возили товар из Иордании.

В начале 2011 года группа подростков написала на стене антиправительственные граффити, вдохновлённые событиями в Египте и Тунисе. Мухабарат задержал их. Родители пришли в отделение просить за детей. Ответом было унижение: их выгнали, оскорбили, пригрозили. Для сирийской системы это был обычный приём, для семей это стало последней каплей.

18 марта 2011 года в Дераа прошли демонстрации с требованием освободить заключённых. Силы безопасности открыли огонь. Погибли первые люди. На следующий день толпа подожгла офис партии Баас. 23 марта армия вошла в город. В апреле танки стояли на улицах Дераа.

Этот сценарий повторялся потом в десятках мест, но именно Дераа стал символом. Потому что он показал: система не умеет разговаривать с собственными гражданами, она умеет только наказывать. И потому что после первых смертей вышли не только родственники, но и люди из других городов и слоёв.

Волна прокатилась по стране. В Баниясе, Хомсе, Хаме, Латакии, Идлибе, Алеппо и пригородах Дамаска люди выходили на улицы с пятничными молитвами и общенародными лозунгами. Они требовали свобод, освобождения заключённых и, всё чаще, падения режима. Режим отвечал арестами, слезоточивым газом и огнестрельным оружием. К лету число жертв исчислялось сотнями.

Башар Асад подписал указ об отмене чрезвычайного положения. Это произошло в апреле 2011 года, когда на улицах уже погибли люди. Отмена не обманула никого. Она стала примером того, как режим отдаёт формальные уступки, не меняя главного: полицайная функция спецслужб осталась, задержания продолжались, военные суды работали.

Международное сообщество отреагировало резолюциями. Совет Безопасности принял заявление, осуждающее насилие. Затем было вето России и Китая на более жёсткую резолюцию

в октябре 2011 года. Санкции ЕС и США вводились постепенно. Лига арабских государств предложила план урегулирования, который предполагал остановку насилия и переговоры.

Запад и Турция требовали ухода Асада. Это казалось морально ясным решением. Беда была в том, что за требованием не стояло плана, как это произойдёт, и какие силы придут на смену. Оппозиция была неорганизованной, вооружённое сопротивление только начиналось, а режим держал армию и контроль над аэродромами.

К середине 2011 года сирийцы уже поняли важную вещь: протест не будет подавлен быстро, а международное сообщество не придумает ничего, кроме заявлений. Это ощущение сделало войну неизбежной. Если миром не спасают, нужно оружие. К концу 2011 года оно появилось. Армия обороны, свободная сирийская армия, появилась на свет как необходимость, а не как план.

Поэтому Дераа это не только место. Это дата, от которой можно отсчитывать эпоху. В марте 2011 года сирийцы попросили достоинства. В апреле им ответили танками. В августе у них уже были причины не верить Западу. Через четыре года у них были русские самолёты над головой, исламистские бригады рядом и Турция за границей, которая будет делать с ними политику, а не справедливость.

Сказать, что Дераа начала войну, значит упростить. Война началась, потому что режим выбрал стрелять и потому что мир выбрал наблюдать. Но спусковой крючок был именно там, на юге, где материнский крик за детей стал первым криком страны.

В октябре 2011 года Россия и Китай наложили вето на проект резолюции Совета Безопасности, который предусматривал санкции против Дамаска. Это было второе вето по Сирии, и оно обозначило главную институциональную особенность всей войны: Совет Безопасности не мог принять решение, обязывающее режим прекратить насилие. Всё, что происходило дальше на международном уровне, было либо гуманитарными резолюциями, либо резолюциями по химическому оружию, либо переговорами без механизма исполнения.

Причины вето известны. Россия защищала своего союзника, видела в сирийском сюжете продолжение ливийского сценария, где резолюция о защите гражданских переросла в свержение режима Каддафи. Китай не хотел создавать прецедент вмешательства во внутренние дела. Обе страны, каждая по своим причинам, не собирались давать Западу мандат на смену власти.

Западные страны, в свою очередь, тоже не были готовы к силе. Америка после Ирака и Афганистана не хотела новой войны на Ближнем Востоке. Европа страдала от финансового кризиса и не имела военных возможностей для самостоятельной операции. Турция, у которой была самая большая и боеспособная армия в регионе, не могла действовать без согласования с НАТО и без риска прямого конфликта с Россией.

Вместо стратегии возникли три параллельные линии. Первая: санкции, которые вводились ЕС, США и рядом других стран и постепенно нарастали. Вторая: гуманитарная помощь, которая росла по объёму, но не решала военных причин кризиса. Третья: поддержка оппозиции, которая начиналась как политическая и постепенно стала военной.

Политическая поддержка предполагала признание оппозиционных структур, работу с ними как с будущим правительством. На практике это означало создание внешних площадок: Национальный совет, затем Национальная коалиция. Эти структуры получали международное признание, но не имели контроля над вооружёнными группами внутри страны. Более того, они представляли собой в основном эмиграцию и городскую интеллигенцию, а не бойцов на местах.

Военная поддержка началась раньше, чем принято считать. Уже в 2011-2012 годах через Турцию и другие каналы поступали деньги, оружие и логистика. Катар и Саудовская Аравия финансировали отдельные группы. ЦРУ работало через посредников. Турция давала маршруты, госпитали, обучение на своей территории.

Это создало систему, в которой внешние игроки поддерживали не одну оппозицию, а множество групп, часто конкурирующих между собой. Результат был предсказуем: слабые группы выживали за счёт того, что лучше продавали себя спонсорам, а сильные получали ресурс и радикализировались, потому что радикализм давал дисциплину.

Гуманитарная линия развивалась отдельно. В 2014 году Совет Безопасности принял резолюцию 2139, требовавшую беспрепятственного доступа помощи, и резолюцию 2165, разрешившую трансграничные поставки через Турцию, Иорданию и Ирак без согласия Дамаска. Это был компромисс, который спасал жизни, но не останавливал войну. Помощь стала механизмом выживания осаждённых районов, но не политическим решением.

Резолюция 2254, принятая в декабре 2015 года, обозначила формулу мирного процесса: переговоры под эгидой ООН, переходный период, выборы. Она осталась на бумаге, потому что режим и оппозиция не имели ни общего понимания, что такое переход, ни заинтересованности в нём. Россия и Иран не хотели ухода Асада, Турция и Запад не хотели его сохранения, а сирийцы не были субъектом, чьё мнение считалось решающим.

Так возникла система, которую можно назвать «управляемым бездействием». Формально мир работал над Сирией постоянно: саммиты, встречи, специальные посланники, гуманитарные конференции. Фактически он управлял последствиями, а не причинами. И в этой системе каждая сторона получала свою выгоду: Запад получал моральную позицию, Турция получала влияние и беженцев как рычаг, Россия получала базы, Иран получал коридор, а Сирия получала всё новые руины.

Именно поэтому важно не сводить историю сирийской войны к внешним игрокам. Они не создали её, но они создали условия, при которых она не могла закончиться. Вето, санкции, гуманитарные механизмы, тайные поставки, переговорные форматы: всё это вместе стало архитектурой продления. Никто не хотел такой архитектуры, но каждый в ней участвовал.

Сирийцы платили за это архитектуру ежедневно. Ветераны дипломатии, которые двадцать лет работали по сирийскому досье, признают в частных разговорах простую вещь: если бы в 2011-2012 годах Совет Безопасности смог принять решение о прекращении огня и мониторинговой миссии, число жертв могло быть меньше на сотни тысяч. Это невозможно доказать, потому что история не имеет контрольной версии. Но это невозможно и опровергнуть. А значит, ответственность за нежелание попробовать лежит на всех, кто имел право голоса.

Часть II. Запад: от гуманизма к геополитике

18 августа 2011 года президент США Барак Обама опубликовал заявление, в котором впервые прямо сказал: Башар Асад должен уйти. Формулировка была осторожной, с оговорками о том, что США не могут навязать переход, но суть была однозначной. Через несколько дней аналогичные заявления сделали лидеры Великобритании, Франции и Германии. Турецкий премьер Реджеп Тайип Эрдоган говорил то же самое ещё раньше и громче.

Обама был избран в 2008 году на волне обещания вывести войска из Ирака и не ввязываться в новые войны. Его политика на Ближнем Востоке определялась двумя вещами: желанием сократить издержки и страхом повторить иракскую ошибку. Заявление про Асада не противоречило этой политике, потому что не сопровождалось военным планом. Оно было не стратегией, а позицией.

Эта позиция оказалась ловушкой. С одной стороны, Вашингтон объявил, что действующий президент Сирии нелегитимен и должен уйти. С другой стороны, он не собирался делать ничего, что могло бы к этому привести. Формально США не признавали Асада, но продолжали работать с ним через посредников, когда речь шла о химическом оружии или о борьбе с ИГИЛ. Фактически они оставляли его у власти, называя это нежеланием вмешиваться.

Международный эффект был разрушительным для оппозиции. Сирийцы, которые вышли на улицы, услышали, что Америка за них. Затем они услышали, что Америка не будет воевать за них. Затем они увидели, что Америка воюет с ИГИЛ, а не с режимом. Послание было противоречивым, и каждая сторона прочитала его в свою пользу. Режим решил, что Запад не будет вмешиваться и можно продолжать. Радикалы решили, что Запад слаб и не заслуживает доверия. Умеренная оппозиция решила, что её обманули.

С точки зрения реальной политики у Обамы были аргументы. Американское общество устало от войн. Конгресс не дал бы согласия на интервенцию. Ирак показал, что военная победа не равна политическому решению. Россия и Китай блокировали Совет Безопасности. Турция, при всей её риторике, не хотела воевать с Сирией в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.